

НАШУ КУЗЬКИНУ МАТЬ МЫ УЖЕ НИКОМУ НЕ ПОКАЖЕМ**Угроза русского фашизма скорее миф, чем реальность**

«Угроза фашизма» — тема для наших СМИ и политтусовок уже традиционная. Но сейчас, с приближением выборов и после событий, на деле имеющих к фашизму самое отдаленное отношение (выходка генерала-антисемита Макашова, убийство Старовойтовой), она стала чуть ли не национальным кошмаром. И, на первый взгляд, основания для этого есть.

Оценить реальную силу фашистских организаций вроде РНЕ очень трудно (какие-то фашистские группки есть везде, и хотя, конечно, за ними надо следить и с ними нужно бороться, но особенно паниковать из-за них не стоит). Наличием таких организаций Россия отнюдь не отличается от самых устойчиво демократических стран Запада. Чем мы отличаемся принципиально, так это широчайшим распространением если не прямо фашистских, то близких к ним, «фашизоидных» идей, лозунгов и настроений.

Я думаю, совершенно неверно видеть эталон фашизма в германском нацизме, а суть его — в Освенциме и Треб-линке. Германский нацизм с его антиклерикализмом и яростным антисемитизмом — очень своеобразный, радикально-экстремистский вариант националистических, антидемократических движений, прокатившихся по Европе в 20-30-е гг. Каких-либо однозначных и четких критериев отнесения того или иного движения к фашизму нет, но ясно, что комплекс «общефашистских тем» — это прежде всего национализм и империализм, всякого рода «возрождения отечеств» и их былой славы, причем величие государства и нации связывается главным образом с военной мощью, а отношения с другими нациями и государствами видятся как отношения борьбы, прежде всего — за территорию. В этом же наборе идей — возрождение старой морали, добуржуазных ценностей и традиционной религии, утверждение примата «национальных интересов» над личными и групповыми, отвержение демократии и ограничение «рыночной стихии».

В идеологии крупнейшей нашей партии — КПРФ сильнее «фашизоидные» черты проступают настолько явно, что этого не успел заметить и отметить разве что слепоглухонемой. Еще больше этих черт у второй по мощи российской партии — ЛДПР. Однако распространение «фашизоидных» идей и настроений отнюдь не ограничивается «красно-коричневой» оппозицией — они распылены повсеместно. «Возрождение величия России», утверждение того, что «Россия была, есть и будет великой державой», — фразеология, ставшая всеобщей, включая речь либеральных и демократических деятелей. И понимается это величие вполне определенно — не как то, что мы родим новых Пушкиных и Менделеевых, а как то, что мы еще покажем всему миру нашу кузькину мать.

У нас вполне можно быть демократом и даже «левоцентристом» и одновременно стремиться забрать у Украины Крым, не отдавать чеченцам Чечню и требовать, чтобы Украина (у которой отбирается Крым) ни в коем случае не обращала своих взоров на Запад, а была бы нашим вечным и преданным союзником. Геополитика в духе начала века и всякого рода рассуждения о необходимости «интеграции евразийского пространства» или о «православной цивилизации» у нас тоже в обиходе не у маргиналов, а у вполне уважаемых теоретиков и публицистов. И господствующее отношение к религии в России вполне «фашизоидное» — религия для нас важна не как служение Господу, а как

символ национального своеобразия, поэтому за недопущение в страну чужих религий у нас борются даже атеисты.

Если добавить к этому носящие едва ли не всеобщий характер мечты о «сильной руке» и дискредитацию идей рынка и демократии, получится цельный, если не фашистский, то «фашизоидный» комплекс, тот идейный и словесный «бульон», в котором и зарождались фашистские движения. Даже евреи у нас заигрывают с этими воззрениями, Борис Березовский, например, спонсировал дурацкий не-взоровский фильм о Чечне, пронизанный фашистскими мотивами и образами, а финансируемая тем же магнатом газета регулярно печатает лидера «Духовного наследия» Подберезкина, у которого этого рода мотивы — едва ли не основные. Вообще, если прислушаться к нашим словам, вполне можно решить, что фашизм — на пороге.

Но, к счастью, есть целый ряд очень серьезных фактов, говорящих о том, что угроза «коричневой чумы» в России, мягко говоря, преувеличена. Несмотря на широчайшее распространение «фашизоидной» риторики, наше население отнюдь не ведет себя как народ, стоящий на пороге националистического взрыва и фашистского или любого другого тоталитаризма. Наиболее ярко это отразилось в реакции русских на войну в Чечне. Ельцин начал ее в убеждении, что народу очень важны «величие и целостность России», но война показала абсолютное нежелание людей во имя этого «величия» идти на какие-то тяготы, а тем более — умирать.

Есть еще более разительные факты. В то время как политики любят поугрожать прибалтам и побороться за Курильские острова, русские жители Курил и земель, прилегающих к Эстонии, пишут петиции о передаче их соответственно японцам и эстонцам. (Вполне возможно, многие из подписантов голосовали за Жириновского). А о чем говорит голосование значительной части местных русских за независимость Прибалтики и Украины, о чем свидетельствует вялость крымского сепаратизма, нежелание балтийских русских, несмотря на все усилия прибалтов, возвращаться на историческую родину? Так ли ведет себя народ с выраженным имперско-националистическим сознанием? Нет, это поведение людей, думающих прежде всего о том, чтобы обеспечить себе сносную жизнь, и практически абсолютно безразличных к державно-патриотическим лозунгам, занимающим столь важное место в нашем интеллигентском и политическом «дискурсе».

Откуда же это противоречие между словами идеологов и поведением народа? Почему политики и интеллигенты так заикливаются на темах, которые, кажется, только их и волнуют? Интеллигенция, не говоря уж о профессиональных политиках, у нас привыкла к господству какого-то вероучения, и ей трудно жить совсем уж без «национальной идеи». Отталкиваясь от дискредитировавшего себя марксизма-ленинизма и порядком уже скомпрометированных у нас идей либеральной демократии, она, естественно, начинает вести идеологические поиски в националистическом направлении. Не случайно в сознании все время присутствует аналогия с Веймарской республикой. И поскольку народ явно недоволен сегодняшней жизнью, интеллигентская и политическая элита полагает, что и массам должны быть очень близки националистические, «фашизоидные» темы. Идеологи и политики начинают играть на этих струнах, надеясь таким образом завоевать популярность. Некоторые, наверное, при этом думают: пусть уж лучше я оседлаю эту волну, тогда она примет умеренные и приличные формы, а то ситуацией воспользуется какой-нибудь безответственный Жириновский.

(Затем наступает следующая фаза: политики сами начинают пугаться вызванных ими же духов и принимают усиленно бороться с ними.)

Ошибка этого рассуждения, как мне представляется, состоит в том, что и коммунизм, и фашизм — альтернативные идеологии одной стадии развития общества, которую мы в целом уже миновали. Мы прошли ее в форме коммунизма (при этом в позднесталинском коммунизме были и очень сильные фашистские черты), но из этого не вытекает, что теперь нам предстоит пережить и фашизм, равно как и немцам, итальянцам, испанцам вовсе не обязательно проходить через коммунизм. И хотя наш народ способен (впрочем, весьма поверхностно) воспринимать «фашизоидные» идеи, у него (как, впрочем, и у поставляющей эти идеи «элиты») совершенно нет желания идти ради них на жертвы. Немецкие штурмовики готовы были не только бить евреев — они готовы были умереть за «великую Германию», что в большинстве своем и сделали. И наши большевики были не только рады пограбить буржуазию — они гибли за пролетарскую революцию, шли на расстрел с «Интернационалом» на устах. Обе великие эпидемии XX века потребовали от охваченных ими народов колоссального напряжения духовных и физических сил, это был выброс энергии, на который нации и народы бывают способны отнюдь не каждые пять лет. Представить себе такой «энергетический взрыв» в сегодняшней России абсолютно невозможно.

Вся наша «фашизоидность» остается на уровне тусовочного трепса. По многим параметрам мы куда ближе к современным немцам или французам, к народам, уже миновавшим стадию, на которой возможно господство тоталитарной идеологии, чем к русским образца 1917 г. или немцам 1933 г. Принципиальное наше отличие от этих народов в том, что они смогли выработать органичные для себя, соответствующие их современной психологии и культуре социальные формы, позволяющие им прилично жить и продуктивно работать, а мы в силу особенностей нашей истории — не смогли. «Буржуазная демократия» у нас действительно не получается (она и ни у кого не получалась за пять лет), но тем не менее это единственная форма государственности, адекватная нашему теперешнему состоянию.

Одна из причин и симптомов «русской болезни» — это как раз несоответствие наших идеологем и нашего состояния. Неумение организовать жизнь у нас компенсируется обращением к каким-нибудь «духоподъемным», зачастую бредовым, идеям. И вот в этом — в растрачивании умственных и духовных ресурсов общества на создание различных пугал и на борьбу с ними — и заключается главная опасность муссирования «фашизоидной» тематики. Весь этот треп сплошь и рядом служит ширмой, за которой идет тотальное воровство, царит правовой произвол, спасения от которого русские люди уже готовы искать у эстонцев, у японцев, у кого угодно — только бы найти.